

С.А. Белобородов

ЮВЕЛИРНОЕ ИСКУССТВО В ЕКАТЕРИНБУРГЕ В ПЕРИОД ЕГО РАСЦВЕТА

(конец XVIII – первая треть XIX вв.)

Употребив в названии статьи термин «ювелирное искусство», необходимо определить, что именно мы понимаем под этим словосочетанием. Признавая, что в наши дни значение понятия гораздо шире, отметим, что в русской традиции ювелиров называли «мастерами золотого и серебряного ремесла» и четко отличали их от камнерезов и гранильщиков¹. На протяжении рассматриваемого периода мастера ювелирного искусства занимались изготовлением художественных украшений, бытовых и культовых предметов из драгоценных металлов². Зачастую для своих произведений они использовали уже обработанные мастерами других специализаций драгоценные и полудрагоценные камни.

Вопрос о необходимости изучения ювелирного искусства на Урале был поставлен еще четверть века назад³. Однако, в силу ряда причин, эта тема долго считалась малоизученной. Самый серьезный «прорыв» в исследовании уральского ювелирного искусства связан с работами Ю.А. и Н.А. Гончаровых⁴. Именно они в 1992 и 1993 гг. впервые ввели в научный оборот документальные данные, позволившие не ограничиваться констатацией факта существования уральского ювелирного искусства, а отметить ряд местных его особенностей, назвать имена некоторых мастеров и т.п.

Говоря о сведениях, касающихся выбранной нами темы, которые приводят Ю.А. и Н.А. Гончаровы, выскажем несколько замечаний, не имеющих принципиального значения, но, на наш взгляд, достаточно важных. Так, например, авторы утверждают, что в 1817 г. в цеховую управу было записано 18 ювелиров и еще 10 человек трудилось без записи в цех⁵. По нашим данным в указанном году только в управе «золотого и серебряного ремесла» состояло 40 человек (27 мастеров, 5 подмастерьев и 8 учеников).

При перечислении мастеров, которые, по мнению авторов, в 20–30-е гг. XIX в. «чаще всего являли к клеймению товар»⁶ упоминаются Даниил Войтохов, скончавшийся в 1820 г., Емельян Крылатков, о котором документы управы сообщают, что к 1820 г. он уже ремесла не производил, Иван Романов, исключенный в 1821 г. «по старости лет из числа

* Здесь и далее выделено автором (*Ред.*).

цеховых». Там же братья Василий и Евдоким Петровичи Алемазовы ошибочно названы Алексеевыми, а Л.Ф. Серебренников – Серебряковым.

Вопреки утверждению Ю.А. и Н.А. Гончаровых, часовые мастера впервые внесены в списки ремесленников не в 1848 г.⁶, а на 35 лет раньше. В 1813 г. установленные цеховые деньги заплатил часовщик, тобольский мещанин П. Григорьев, в 1816–1818 гг. ежегодный взнос в размере 10 рублей делал часовщик В. Ширманов (из крепостных крестьян Турчинова).

После этого вновь наступил довольно длительный перерыв в работах исследователей. Не так давно были опубликованы сразу две монографии, посвященные интересующей нас теме⁷. Однако внимательное изучение книг искусствоведов В.И. Копыловой и Г.Б. Зайцева дает возможность утверждать, что со времени выхода упомянутых трудов Гончаровых наука, к сожалению, сделала вперед очень незначительный шаг.

Рамки статьи не позволяют уделить много места обстоятельному разбору произведений В.И. Копыловой и Г.Б. Зайцева, но некоторыми наблюдениями хотелось бы поделиться. Понятно, что более всего нас заинтересовали те разделы их сочинений, где речь идет о XVIII – первой половине XIX вв. Именно о них мы и будем говорить.

Весьма показательной, на наш взгляд, явилась работа В.И. Копыловой «Ювелирное искусство Урала», в которой существование екатеринбургских ювелиров доказывается лишь ссылками на рассказ В. Яркова (1937 г.), статью в журнале «Заволжский муравей» (1834 г.) и записку Департамента горных и соляных дел (1823 г.), где упоминается «о довольно значительном количестве ремесленников в Екатеринбурге, занимающихся “делом золотых и серебряных вещей”»⁸. На этом, собственно, и заканчивается вся история художественной обработки драгоценных металлов дореформенного Екатеринбурга в изложении В.И. Копыловой. Правда, в главе о кустарях XIX–XX вв. приводятся 8 фамилий людей, подозреваемых в незаконных операциях с краденым золотом, с примечанием, что «их усилиями, может быть, и пробивалось (?) ювелирное дело на Урале»⁹.

Гораздо содержательней нам показалась монография Г.Б. Зайцева «Ювелирное искусство дореволюционного Екатеринбурга». Однако и здесь уважаемый автор большей частью задает вопросы, нежели отвечает на них. Определив в качестве объекта исследования «ограниченные драгоценные и полудрагоценные камни, мелкую каменную пластику и изделия предназначенные для украшения костюма и собственной персоны»¹⁰, Г.Б. Зайцев, следуя сложившейся традиции, почти все внимание

уделяет двум первым видам искусства. Главы 2–5, охватывающие промежуток с начала XVIII до середины XIX вв., наполнены обильным цитированием названных работ Ю.А. и Н.А. Гончаровых и, к сожалению, не содержат ни одного нового факта о деятельности екатеринбургских ювелиров.

Очевидный недостаток фактологического материала иногда приводит автора к ошибочным заключениям. К таковым, например, можно отнести утверждения, что «в первой трети XVIII в. из трех видов ювелирного искусства получили развитие лишь гранение камней и изготовление мелкой каменной пластики»¹¹, или «что золотое и серебряное дело в Екатеринбурге процветало весь XIX век»¹². Из более мелких недочетов обратим внимание на неверное заявление автора, что в словаре, приложенном к книге «Уральская икона», «упоминаются несколько десятков имен» екатеринбургских мастеров золотого и серебряного ремесла, «из них трое обозначены как работавшие до 1800 г.»¹³. На самом деле в указанном словаре есть краткая информация всего о четырех ювелирах, трудившихся в Екатеринбурге в середине – второй половине XIX в.¹⁴

Подводя неутешительные итоги, отметим, что в истории художественной обработки драгоценных металлов в Екатеринбурге все еще остается немало «белых пятен». В своей работе, которая посвящена «золотому и серебряному ремеслу» во время его наивысшего развития в нашем городе (конец XVIII – первая треть XIX вв.), на основании документальных материалов мы попытались ответить на несколько простых вопросов (кто, что и как). Надеемся, что это даст возможность по-новому взглянуть на ювелирное искусство старого Екатеринбурга и откроет определенные перспективы для его дальнейшего изучения.

* * *

Рождение ювелирного искусства в Екатеринбурге, как и многое другое, связано с именем В.Н. Татищева, который в бытность свою в Швеции (осень 1724 – весна 1726 гг.) подписал контракт о найме на русскую службу с камнерезом Христианом Рефом. Мастер прибыл на Урал в 1726 г. для того, чтобы «камни аспид, мрамор и подобные тому не токмо сыскивать, но оные резать и гранить и приуготовлять, и русских данных ему учеников в том искусстве совершенно выучить». Он прожил здесь до 1729 г. и за это время научил ремеслу пятерых человек, из которых, правда, только один – Матвей Несенцов, впоследствии работал по специальности.

В одно время с Х. Рефом в Екатеринбурге трудился Фирс Запутряев – организатор рудной (пробирной) лаборатории, крупнейший знаток

царства минералов, также подготовивший нескольких учеников. Огражденные Рефом, Запутряевым и их помощниками цветные камни оправлял в **выкованные из старых серебряных монет** перстни, серьги и запонки первый екатеринбургский ювелир – тобольский казачий сын Андрей Козьмич Кузнецов, вызванный Татишевым на Урал в 1721 г.¹⁵ и работавший в Екатеринбурге еще в 1730-е гг.¹⁶

Сведения о ювелирах, живших в городе в 1730-е – 1750-е гг. крайне отрывочны. Достоверно можно говорить лишь о том, что эти люди были пришлыми. С 1735 г. в Екатеринбурге находился **ссылный серебряник** Семен Дмитриевич Дорогов. О его деятельности в качестве практикующего мастера говорит тот факт, что в 1742 г., во время следствия по поводу обнаружения фальшивых серебряных монет у него отыскивали кусок серебра, взятый им у некоего ссылного «для изготовления цепочки»¹⁷. Очевидно также, что в это время ювелиров было немного. Так, например, в мае 1744 г., во время освидетельствования найденного Л. Пигалевым образца руды с признаками золота, не нашлось ни одного человека, способного однозначно определить благородный металл. Ситуация повторилась годом позже, когда Е. Марков, перед тем как представить в Горное Правление крупинки желтого металла, доверился экспертизе, проведенной упомянутым С.Д. Дороговым, в результате которой и удалось опознать золото¹⁸.

Открытие (1744 г.) и начало промышленной добычи (1748 г.) золота на Урале имело большое значение для развития местного ювелирного искусства. В 1757 г. было основано первое в России учреждение, ведавшее золотодобычей – Горная экспедиция Екатеринбургских золотосодержащих рудников, в ведении которой находились Уктусский, Березовский, Пышминский и Становской золотопромышленные заводы и рудники. Хотя извлечение благородного металла из руды долгие годы было государственной монополией, а существующее законодательство предусматривало суровые наказания «за потаенную плавку золота и серебра у себя на дому»¹⁹, нелегальная его добыча старателями – «хищниками» создавала благоприятные условия для роста производства золотых изделий в регионе.

Другим значительным стимулом стало расширение работ по поиску и добыче драгоценных, полудрагоценных и поделочных камней. В 1746 г. президент Берг-коллегии А.Ф. Томилов распорядился организовать в городе предприятие по механической обработке камня²⁰. Мастерская была построена к 1748 г. Вскоре к имеющимся двум старым станкам добавилось три новых, и 8 декабря 1751 г. состоялся пуск каменорезной фабрики (будущей Императорской гранильной). В 1765 г. Сенат принял

решение об организации на Урале особого учреждения – Экспедиции изыскания цветных камней и мраморной ломки, которую возглавил генерал-майор Я.И. фон Данненберг. Шведский ученый И.П. Фальк, посетивший город в 1772 г., отметил, что 48 екатеринбургских шлифовальщиков «выделявали из яшмы, агата, мрамора, горного хрусталя, опала, малахита, сердолика, аметиста, привозных с Урала и Сибири разную посуду, печатки, пуговицы, серьги и другие уборы»²¹. Множество камнерезов и гранильщиков занимались ремеслом в домашних мастерских, в частном порядке.

Появление большого количества достаточно качественного сырья и «полуфабрикатов» повлекло быстрое увеличение числа ювелиров. Этому также весьма способствовал указ 1779 г., отменивший действие прежних запретительных законов. В материалах подворной переписи Екатеринбурга, проведенной в 1781 г. сообщается о 14 мастерах, работающих в городе. Их имена впервые приведены Ю.А. и Н.А. Гончаровыми: Булатов Тимофей, Костецкий Мартын, Кремлев Михаил, Кузнецов Лев, Лебзин Даниил, Лесунов Егор, Ломтев Прокопий, Новиков Иван, Одинцов Федор, Патрушев Епифан, Федоровы Илья и Григорий, Федотов Никифор, Шагов Гавриил²².

Создание корпоративных организаций ремесленников в Екатеринбурге относится еще к 1750–1760-м гг., и связано с учреждением городской Ратуши. Хотя в конце 1770-х гг. некоторые ювелиры уже были записаны как цеховые, на деле это было скорее номинальным названием, поскольку цеха в то время не играли почти никакой роли в общем объеме ремесленного производства. Возникновение новых цеховых институтов началось в России после выхода 21 апреля 1785 г. «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи». В Екатеринбурге основные положения Жалованной грамоты стали вводиться лишь в конце 1787 г. (12 ноября 1787 г. была открыта Городская дума).

Ремесленная управа была организована только в 1790 г., но отдельные цеха создавались еще позже. В частности, управа мастеров золотого и серебряного ремесла возникла в 1795 г.²³ Возможно, причина промедления заключалась в том, что по Ремесленному положению нельзя было «устанавливать управы или цеха, пока менее пяти мастеров того ремесла в городе». Лишь когда набралось искомое число ювелиров, пожелавших «легализовать» свой статус, была организована управа. Первыми мастерами обновленного екатеринбургского цеха ювелиров стали П.Д. Ломтев, Н.Н. Николаев, К. Ратманов, К.И. Романов, Д. Рябов и С.Т. Шмелев.

Выдающийся уральский статистик Н.С. Попов в исследовании «Хозяйственное описание Пермской губернии», опубликованном в 1804 г.,

сообщает, что в Екатеринбурге ювелирные изделия изготавливали 15 человек, состоявших в Екатеринбургской золотого и серебряного ремесла цеховой управе. Кроме того, некоторые частники не были записаны в цех, при этом «серебряных и золотых дел работами [занимались] в 10 [домах]»²⁴.

Наблюдавший работу екатеринбургских ювелиров историк Сибири П.А. Словцов в 1809 г. писал, что в городе насчитывается мастеров золотого дела не менее 20. «Частное гранение и резьба занимаются печатями, табакерками, перстневыми и другими вставками. Те же вещи переходят для оправы мастерам золотого дела, которые сверх того умеют делать шегольские запястья, мятущиеся склаважи (колье. – С.Б.), целомудренныя булавки, неприкосновенные медальоны, и серьги остроумные. От их рук не уходит и тонкой филограм (т.е. филигрань. – С.Б.)»²⁵.

Как и прочие цеховые управы, объединение екатеринбургских ювелиров состояло из мастеров (лучшего, среднего и последнего мастерства), подмастерьев и учеников. В ученики зачислялись подростки в возрасте 10–15 лет. Как правило, родители мальчиков и мастера заключали письменные договоры, в которых были обозначены основные положения контрактов: время обучения, плата, дополнительные условия. Сроки учебы весьма сильно варьировались: от календарного года до шести лет. Ученики жили в доме мастера на полном его содержании и должны были беспрекословно ему подчиняться. В случае ослушания (неповиновение, «ночевание вне дома», прогул рабочих часов, побег) ученик мог быть оштрафован, или же подвергнут телесному наказанию.

Большинство учеников по окончании обучения переходили в категорию подмастерьев. Правда, стать подмастерьем можно было и минуя стадию ученичества. Средний возраст подмастерьев составлял 18–22 года, хотя были «долгожители». Так, например, в цеховой книге упоминается Иван Карпович Моллин поступивший в подмастерья 1800 г. в возрасте 30 лет. Более десяти лет он пытался стать мастером, а в 1815 г., видимо махнув рукой, переписался в управу каменного и штукатурного ремесла.

Подмастерья также подписывали с мастерами контракты на 1–2 (реже 3–4) года. По окончании срока «стажировки» подмастерья были обязаны предоставлять своеобразную «дипломную работу» («урок») – изделие, по которому судили об их профессиональной пригодности. Чаще всего это были золотые перстни с аметистовыми вставками, кроме того, в источниках упоминаются золотые и серебряные серьги, оправы для печатей, ожерелья и т.п. Цеховые мастера проводили экспертизу работ, определяли квалификацию их изготовителей и давали рекомен-

дацию для зачисления в полноправные мастера. После этого управа выдавала новым мастерам особые свидетельства на право производить изделия «галантерейного мелкого ремесла», которые утверждал пермский пробирный мастер.

По закону 1785 г. предписывалось записывать в цеховые «всякого, кто в городе ремесло или рукоделие производить желает». Однако, очевидно, что довольно долго многие ювелиры Екатеринбурга могли трудиться «беспошлинно» (без записи в цех). Они предпочитали работать нелегально, тем более, что кроме вступительного, необходимо было платить в казну управы довольно значительный ежегодный взнос (лучшего мастерства – 10 руб., среднего – 7, низшего – 5). Существование «незаписанных ювелиров» было возможно не только потому, что основной «надзиратель» за их деятельностью – пробирный мастер – проживал в губернском городе Перми, но и из-за того, что до поры руководители цеховой управы не выражали особого желания бороться с «нелегалами». С 1795 по 1812 г. бессменным цеховым старшиной был мастер последнего ремесла Прокопий Ломтев, однако все дела вел старшинский товарищ мастер лучшего ремесла Клементий Романов. За время своего руководства Ломтев и Романов допустили множество нарушений в делопроизводстве, административных и финансовых вопросах, за что были отстранены от должностей и обязаны возместить весьма значительный ущерб.

Только после опубликования в 1806 г. проекта Горного положения и мер, предпринятых органами надзора, началась массовая запись ювелиров в цеховые. В июле 1811 г. они сообщали в коллективном прошении, что «через прилежание свое, обучившись сами собою чрез разных мастеров золотому и серебряному мелкому галантерейному ремеслу, но как по встретившимся ныне обстоятельствам касательно запрещения производить без управного свидетельства работы, просили представляемые ими вещи при сходе мастеров опробовать, а им дать управные дозволения»²⁶. Что касается упомянутых «обстоятельств», то ими стала ревизия, проведенная пермским пробирером Н. Казанцевым, в результате которой мещанин И. Персиянинов был «подвергнут остановлению в деле ремесла, осеквестрованием пробирным мастером, при посредстве Городового Магистрата ратмана и частного пристава, инструмента»²⁷. Видимо большинство городских ювелиров быстро осознало, что лучше записаться в цех и платить установленные пошлины, нежели совсем лишиться средств производства.

Если в конце 1810 г. в Екатеринбургской ремесленной управе золотых и серебряных дел числилось всего 10 человек (4 мастера, 4 подмастерьев и 2 ученика), то через год их число возросло до 40 (24 мастера,

13 подмастерьев и 3 ученика). Примечательно, что из-за беспорядка в управном делопроизводстве некоторым ювелирам, записанным ранее в цех, в 1811 г. пришлось снова платить вступительные взносы и проходить освидетельствование (В. Алемазов, И. Астраханцев, Е. Крылатков). Пик численности сотрудников ювелирного цеха Екатеринбурга пришелся на 1819 г. Тогда легально изготовлением украшений из золота и серебра занималось 45 человек: 27 мастеров, 3 подмастерьев, 15 учеников²⁸.

До конца 1820-х гг. количество екатеринбургских ювелиров, записанных в цех, колебалось на уровне 37–42 человек. К этому числу необходимо добавить иногородних мастеров, не состоявших в цеховой управе, но получавшей от нее дозволения на производство ремесла. Так, в 1812–1813 гг. в Екатеринбурге работали ювелиры, вынужденные покинуть обжитые места из-за войны, М. Григорьев и М. Шлеймович (оба из Каменец-Подольской губ.), С. Куфер (из Могилевской губ.). В 1813 г. «полугодовое» разрешение получил житель Киевской губернии А. Хвастовский. С 1815 до конца 1820-х гг. по управному дозволению в городе трудился вятский мастер М. Томилов. Для сравнения отметим, что петербургский цех золотых дел мастеров и серебряников уже в 1793 г. насчитывал 74 человека: 44 мастера, 16 подмастерьев и 14 учеников (не считая 139 ювелиров-иностранцев)²⁹. Но это в столице; на Урале количество ювелиров в городах было существенно меньше: например, в 1803 г. в Кунгуре проживало всего 9 мастеров, в Чердыни – 3, в Перми – 2, на Верхотурье – 2³⁰.

Долгое время Екатеринбургская цеховая управа золотого и серебряного ремесла располагалась в частном доме, арендованном у Прасковьи Пономаревой. Во второй половине 1810-х гг. городская управа предоставила цеху ювелиров небольшой флигель, отремонтированный «на паях» с другими цеховыми управами. Незатейливая обстановка состояла из нескольких лавок и шкафов, с запираемыми ящиками, где хранились цеховые документы, контрольные весы с разновесками и особый значок на жести, с эмблемой цеха. Можно назвать имена лучших мастеров того времени: К.И. Романов (цеховой с 1795 г.), Е.П. Алемазов, А.Н. Воронов, У.М. Алексеев, Л.Ф. Серебренников (все – с 1811 г.), В.Н. Воронов, Н.Е. Ордин, К. Елизарьев (все – с 1819 г.). Однако наибольшую известность и авторитет, без сомнения, заслужил Василий Петрович Алемазов.

Впервые имя Екатеринбургской лаборатории пробирного ученика В. Алемазова встречается в документах управы в 1802 г., когда он поступил в цеховые, заплатив установленный взнос в размере 6 рублей. Видимо, по окончании срока «стажировки» Алемазов трудился «без дозво-

ления», так как летом 1811 г., вместе с другими он подал прошение о зачислении его в ювелирную управу. Примечательно, что уже тогда старые мастера вынесли по его поводу следующее определение: «Василия Алемазова мы не признаем нужным свидетельствовать, поскольку он лучьшаго галантерейнаго мелкаго ремесла мастер»³¹. После этого Алемазов был принят в цех и вскоре занял там ведущее положение. Подпись В. Алемазова как «депутата от горной стороны», осуществлявшего надзор за деятельностью цеховых, принадлежащих горному ведомству, стоит под многими документами управы. В 1818 г. мастер получает звание унтер-шихтмейстера 1 класса (низший горный чин в табели о рангах). Он прожил в Екатеринбурге до января 1821 г., а затем, вместе с двумя учениками, отбыл «для производства ремесла в губернский город Пермь»³². Фамилия В.П. Алемазова, выходца из мещан, дослужившегося до чина коллежского регистратора (равного званию прапорщика), встречается в документах вплоть до конца 1820-х гг., причем очевидно, что он продолжал заниматься изготовлением различных ювелирных изделий, специализируясь «на золоте»³³.

В конце XVIII – начале XIX в. появились мастера, ставшие родоначальниками целых династий ювелиров и гранильщиков. Мещанин Иван Никитич Персиянинов с 1811 г. трудился подмастерьем золотого цеха, а с 1814 г. – мастером лучшего ремесла. Его младший брат Василий поступил в подмастерья в 1821 г., а позже сам стал мастером. Из их потомков известен Алексей Степанович Персиянинов, купец 2 гильдии, в 1880-е гг. владевший в Екатеринбурге магазином каменных вещей на Покровском проспекте, 37 (ныне ул. Малышева).

Родоначальниками династии Елизарьевых следует признать екатеринбургских мещан, вероятно, братьев Федота и Андрея Елизарьевых (зачислены в подмастерья в 1796 г., с 1811 г. и до смерти в 1814 г. Федот Артемьевич упоминается как цеховой мастер). Ксенофонт Елизарьев поступил в золотой цех учеником в 1815 г., а в 1819 г. стал мастером. С 1821 г. одним из его учеников значился Павел Михайлович Елизарьев. Их потомки – Гавриил Алексеевич с сыновьями Дмитрием и Николаем – уже не работали ювелирами. В силу объективных причин они «переквалифицировались» в позолотчиков по дереву.

Летом 1812 г., после освидетельствования, мастером среднего искусства был признан екатеринбургский мещанин Сергей Иванович Вершинин. Его сын Порфирий и внуки Михаил и Павел продолжили семейную традицию, также став ювелирами. Их мастерская, расположенная на ул. Ломаевской, 33 (ныне Февральской революции), еще функционировала в 1889 г.

В 1819 г. в цех золотого ремесла был принят учеником Иван Иванович Мыльников. Позже вместе с ним здесь трудились и его братья – Федор и Иннокентий, и дети – Андрей, Дмитрий, Степан и Павел. Старший же из сыновей – Николай – в 1850–1860-е гг. был достаточно известным в городе живописцем и позолотчиком³⁴.

Перечислим еще несколько фамилий людей, чьи предки были записаны в екатеринбургский цех ювелиров, а потомки продолжали заниматься изготовлением предметов искусства: один из внуков Осипа Погорельцева – Иван Александрович – гранильщик, внук Логина Серебренникова Степан числился «мастером рельефного мастерства», наследники Зотей Швецова Иван и Петр Ивановичи промышляли камнерезным и гранильным ремеслом.

Обилие мастеров-камнерезов и ювелиров приводило к тому, что в начале XIX в. в городе «главнейшую торговлю» составляли ограненные и «необделанные» драгоценные камни, мраморные изделия и украшения. Едва любой приезжий успевал устроиться на отдых, тут же к нему навевались разносчики «с сими ископаемого царства произведениями, превращенными чрез искусство здешних гранильщиков в многообразные виды и часто оправленные в золото, серебро и прочее... Самое большое количество составляют серьги, перстни, склаважи из аметистов, аквамаринов, иногда хризолитов... и другие вещи из ельшпатов (правильнее – фельдшпат, т.е. полевой шпат. – С.Б.), нерченских голубых халцедонов или здешней перелифти (полудрагоценный камень, разновидность халцедона. – С.Б.), агатов, яшмы, кремней и кварца...». По замечанию Н.С. Попова, в Екатеринбурге «жены и дочери самых мастеров почти не отличаются в праздничные дни своими нарядами от купеческих... украшая подобно им уши, руки и шею лучшими серьгами, перстнями и склаважами, по причине удобства доставать сии вещи дешевою ценою»³⁵.

Немецкий физик Г.А. Эрман, посетивший Урал в 1828 г., сообщал, что «из топаза, аметиста и прозрачных, как вода, разновидностей горного хрусталя камнерезы делают разнообразные ожерелья и бусы. Оправа, однако, делается хуже камней. Но покупателей это не очень беспокоит, поскольку применяемое для этих целей золото берется с местных заводов и покупатель не в убытке: золота в нем 89,3; серебра 7,1; свинцовой меди 3,6 [частей]. Оправы довольно тяжелы»³⁶.

К сожалению, самих работ екатеринбургских ювелиров, сделанных в XVIII – первой трети XIX в., практически не сохранилось. А то немного, что дошло до наших дней, лишь с оговорками может быть атрибутировано, как местная продукция. Дело в том, что вплоть до

1840-х гг. мастера не имели личных клейм. К тому же они зачастую «забывали» отправлять готовые вещи на клеймение в Пермь. «Собственный» же пробирер появился в городе только в 1824 г., но и после этого мастера нередко торговали неклеяемыми изделиями.

Тем важнее для нас приведенные выше немногочисленные описания предметов уральского ювелирного искусства, сделанные современниками. Как оказалось, некоторое представление об ассортименте продукции мастеров золотого и серебряного цеха могут дать документы управы. Здесь, например, упоминаются оправленные в золото шерловые бусы (шерл – черный турмалин), «филограновые серьги серебряные под золотом, камни аметисти», «перстни осыпные» (т.е. с мелкой крошкой из драгоценных камней), «перстень золотой, а обложенные по поверхности его аметист и стразы белые укреплены в высокое серебро оправою, как бывает при бриллиантовых вещах», серебряные десертные ложки и другая серебряная посуда, нательные и наперсные кресты и прочее.

На рубеже XVIII и XIX столетий до Урала докатилась мода, некогда покорившая Европу – «гиероглифические кольца». Украшения такого рода действительно представляли собой кольца, камни в которых подбирались так, чтобы первые буквы их названий составляли имя владельца. Например, Сапфир, Опал, Фельдшпат, Иолит, Яшма, собранные в кольцо, составляли имя София и т.п. Нетрудно догадаться, что Урал с его минералогическими богатствами предоставлял самые широкие возможности для развития «гиероглифики».

Нельзя не сказать и о другом модном в то время предмете – табакерке. Интереснейший материал по этому вопросу дают дневниковые записи екатеринбургского протоиерея Ф.Л. Карпинского – страстного коллекционера коробочек для табака. В его записках встречаются упоминания о нескольких десятках подаренных ему табакерок. В их числе вещи, изготовленные из бумаги, дерева, камня (яшма, агат, янтарь) и, наконец, из драгоценных металлов (чаще всего из серебра или из серебра с чернью). Причем, очевидно, что среди ювелирных изделий этого рода были работы местных мастеров. Встречаются незаурядные образцы: «серебряная черневая с монументом Петру Великому», серебряная, с вензелем управляющего Березовским заводом И.Л. Тютюева, «раковинная с серебряной крышкой, черневая»³⁷ и др. В 1806 г. Н.Н. Демидов подарил протоиерею «табакерку из лавы зделанную, в золотой оправе, на крышке изображены два голубка мозаическим искусством»³⁸, ставшую несомненным украшением коллекции.

Еще одним направлением ювелирного искусства, получившим в Екатеринбурге чрезвычайно широкое распространение, было изготовле-

ние каменных печатей³⁹. Основными минералами для создания печатей служили горный хрусталь, цитрин и раухтопаз (местное их название – «топаз» или «тумпас»), реже применялись родонит, змеевик, порфирит. Печати делали разных форм и «фасонов»: цилиндрические, шести- и восьмигранные, но чаще всего пирамидальные. Мастера-резчики не только виртуозно владели искусством графики, но и знали основы геральдики. От камнерезов печати нередко поступали к ювелирам, которые довершали их отделку (печати могли «монтироваться» на перстень, на цепочку, существовали крупные «настольные» печати с оправами из драгоценных металлов и т.п.).

Пути реализации ювелирных изделий были самыми разными. Ранее уже упоминалось о деятельности своеобразных «коробейников» – разносчиков ювелирных украшений, описанной современниками. Подобные факты подтверждаются документами управы: в 1813 г., например, мастер Е. Крылатков передал для продажи разноснице Федосье Мельниковой разных вещей (в основном перстней и колец) на общую сумму 80 рублей⁴⁰. Очевидно, что мелкими изделиями из драгоценных металлов торговали и в «галантерейных» лавках. «Серьезными» потребителями ювелирных товаров были горожане и приезжие, нередко покупавшие «гарнитур» из 3–5 предметов для себя или в качестве подарка. Нередко екатеринбуржцы «разного звания» специально к Ирбитской ярмарке заказывали мастерам изготовление крупных партий украшений и бытовых предметов для последующей перепродажи⁴¹. Мастера золотого и серебряного ремесла и сами ездили для торговли предметами собственного производства в Ирбит, находясь «в отлучке» по 2–3 месяца.

Что касается цен на ювелирные изделия, то вопреки приведенному мнению, их стоимость, хотя и была ниже, чем, скажем, «в столицах», но все-таки достаточно высокой. По условному прейскуранту самой дешевой услугой была переделка старых вещей заказчика в новые: изготовление серебряной десертной ложечки из лома – 1 рубль, простых золотых колечек – от 50 копеек за штуку, переделка перстня в кольцо – 1 рубль. Если же использовались материалы мастера, то цена значительно возрастала: печати, оправленные в золото – от 5 до 10 рублей, пара аметистовых сережек в золоте – около 20 рублей, бусы из турмалина в золоте – 25 рублей, «двойное» золочение серебряной цепочки – 35 рублей. Маленькая серебряная табакерка стоила 7, средняя – до 25, золотая – до 50 рублей.

Весьма серьезной проблемой для екатеринбургских ювелиров (кстати, возникшей исключительно из-за недальновидной позиции, занятой государственными чиновниками) было приобретение сырья. Если

граненые камни можно было достать без особого труда, то получение драгоценных металлов с приисков было делом противозаконным. Часто в ход шли старые ювелирные украшения (сломанные или просто вышедшие из моды), нередко можно встретить упоминания об использовании для работы золотых монет, как российской чеканки, так и зарубежных, например, голландских или арабских.

В редчайших случаях в цеховых документах встречается упоминание о приобретении металла «с рук», да и то, когда речь идет не о золоте, а о серебре. В июле 1812 г. мастер Л. Серебренников объявил «о покупке им серебряной выжиги умершего штабс-капитана Ивана Соболева у жены Марьи Михайловой дочери, 30 с половиной золотников, которая выжига оказалась смешанной с ртутью». В ходе проведенного расследования выяснилось, что Соболева купила выжигу в Невьянском заводе у неизвестной женщины. Руководство управы сочло необходимым мягко пожурить Серебренникова за его «ошибку»⁴².

При этом именно незаконная скупка была основным источником поступления золота к ювелирам. Центральная администрация несколько раз пыталась исправить ситуацию, связанную со все увеличивающимся хищением золота с приисков. В этой борьбе важную роль сыграли особая комиссия «для открытия тайной продажи золота» под председательством графа Кутайсова, учрежденная по указу 28 октября 1825 г., и одно из ее «подразделений» – следственная комиссия статского советника Пасенко, действовавшая на Урале в 1826 г. В отчете комиссии говорилось, что, несмотря на существующие запреты, «в Екатеринбурге многие золотых и серебряных дел мастера торговали золотом, делали из такового золота разные вещи и золотили чашки, в чем некоторые признались»⁴³. Вскоре, однако, последовал именной указ (22 августа 1826 г.), даровавший прощение всем золототорговцам, даже пойманным с поличным⁴⁴. Но это был «первый звонок», предвещавший наступление серьезных перемен.

В 1829 г. ювелирное искусство в Екатеринбурге пережило сильное потрясение. В этом году было принято особое Положение о наказаниях похитителям и торговцам золотом, где окончательно запрещалась «всякая продажа и покупка золота в слитках, даже с установленными клеймами» в Западной Сибири, Оренбургской и, конечно, Пермской губерниях⁴⁵. Примечательно, что после репрессий, против «особо упорствовавших» ювелиров, следовавших вслед за указом, «черный» рынок золота на Урале отнюдь не оскудел, но, напротив, к середине XIX в. значительно укрепился⁴⁶. Что же касается мастеров ювелирного искусства, то в начале 1830-х гг. большинство из них были вынуждены либо перестать использовать для работы золото (хотя именно золотые украше-

ния составляли значительную часть их продукции), либо совершенно поменять род занятий, либо отбыть в другие города (часто нелегально).

По статистическим данным, в 1837 г. в городе числилось 20 ювелиров, занимавшихся исключительно обработкой серебра⁴⁷. В 1848 г. в управу было записано 24 мастера – серебряника⁴⁸. В последующие годы их число неуклонно сокращалось. Перепись 1873 г. фиксирует, что в Екатеринбурге работали всего 1 мастер золотого дела, 10 серебряного и 2 ювелира⁴⁹. Только когда запреты на использование золота несколько ослабли, стало расти и число лиц, занимавшихся художественной обработкой драгоценных металлов. В частности, материалы переписи 1887 г. сообщают о наличии в городе 50 ювелиров⁵⁰. Но лишь после официальной отмены в 1901 г. указа 1829 г. начался второй «золотой век» екатеринбургского ювелирного искусства, который тоже продлился недолго.

В качестве приложения к статье мы публикуем сведения о ювелирах, трудившихся в Екатеринбурге в конце XVIII – первой трети XIX в., в основном полученные из документов Екатеринбургской управы золотого и серебряного мастерства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 1955. С. 666.

² См., напр.: *Павловский Б.В.* Декоративно-прикладное искусство промышленного Урала. М., 1975; *Зайцев Г.Б.* У истоков уральского ювелирного искусства // История художественной культуры Урала. Свердловск, 1988.

³ *Гончаров Ю.А.* Из истории художественной обработки серебра на Урале в XVIII – первой половине XIX в. // Художественная культура Пермского края и ее связи. Мат-лы науч. конф. 21–24 февраля 1989 г. Пермь, 1992. С. 162–169; *Гончаров Ю.А., Гончарова Н.А.* Из истории художественной обработки драгоценных металлов на Урале в XVIII – начале XX вв. // Художественный металл Урала XVIII–XX вв. Мат-лы конф. Октябрь 1990. Екатеринбург, 1993. С. 13–39.

⁴ *Гончаров Ю.А., Гончарова Н.А.* Из истории художественной обработки драгоценных металлов... С. 20.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 21.

⁷ *Копылова В.И.* Ювелирное искусство Урала. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург, 2000. 120 с.; *Зайцев Г.Б.* Ювелирное искусство дореволюционного Екатеринбурга. Екатеринбург, 2001. 112 с.

⁸ *Копылова В.И.* Ювелирное искусство... С. 15.

⁹ Там же. С. 40.

¹⁰ *Зайцев Г.Б.* Ювелирное искусство... С. 5–6.

¹¹ Там же. С. 19.

¹² Там же. С. 56.

¹³ Там же. С. 31, 56.

¹⁴ Гончаров Ю.А., Гончарова Н.А. Мастера и мастерские церковного искусства на Урале XVIII – начала XX в. Материалы к словарю // Уральская икона. Екатеринбург, 1998. С. 273, 276, 281, 290.

¹⁵ Корепанов Н.С. В раннем Екатеринбурге (1723–1781). 3-е изд. Екатеринбург, 2001. С. 41.

¹⁶ Корепанов Н.С. «За семью печатями». Екатеринбург, 1998. С. 13.

¹⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1029. Л. 541–628.

¹⁸ Данилевский В.В. История открытия уральского золота // 200 лет золотой промышленности Урала. 1745–1945. Свердловск, 1948. С. 9.

¹⁹ См., напр., указы 1730–1750-х гг. о наказаниях за «потаенную сплавку», опубликованные в ПСЗ-I. Т. X, XIII, XV. № 7911, 10018, 10811.

²⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1140. Л. 11.

²¹ Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 6: Записки путешествия академика Фалька. СПб., 1824. С. 324.

²² Гончаров. Ю.А., Гончарова Н.А. Из истории художественной обработки драгоценных металлов... С. 19.

²³ «Книга Екатеринбургской управы золотых и серебряных дел...» 1811–1821 гг. (далее – Книга). НБ УрГУ. Свердловское собр. (IX) № 58 р / 1034. Л. 35 об.

²⁴ [Попов Н.С.] Хозяйственное описание Пермской губернии. Ч. 2. Пермь, 1804. С. 320.

²⁵ Словцов П.А. Письма из Сибири // Азиатский вестник. 1825. Январь-июнь. С. 394–395.

²⁶ Книга. Л. 1.

²⁷ Там же. Л. 1 об.

²⁸ Подсчитано по «Книге Екатеринбургской управы золотых и серебряных дел...».

²⁹ Фелькерзам А.Е. Некоторые сведения о С.-Петербургских золотых и серебряных дел мастерах за сто лет (1714–1814) // Старые годы. 1907. Январь. С. 11–12.

³⁰ Гончаров Ю.А. Из истории художественной обработки серебра... С. 165, 168.

³¹ Книга. Л. 5.

³² Там же. Л. 284 об.

³³ ГАПО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 3. Л. 9, 13 об.

³⁴ Гончаров Ю.А., Гончарова Н.А. Мастера и мастерские церковного искусства на Урале... С. 310.

³⁵ [Попов Н.С.] Хозяйственное описание... С. 323, 325.

³⁶ Цит. по: Злоказов Л.Д., Семенов В.Б. Старый Екатеринбург: город глазами очевидцев. Екатеринбург. 2000. С. 171.

³⁷ Байдин В.И., Голикова С.В., Дашкевич Л.А., Нечаева М.Ю. Дневник священника // Уральский исторический вестник. № 2. Екатеринбург. 1995. С. 132, 136, 137.

³⁸ Там же. С. 138.

³⁹ Корепанов Н.С. «За семью печатями»... С. 92–94.

⁴⁰ Книга. Л. 111 об.

⁴¹ Там же. Л. 94 об.

⁴² Там же.

⁴³ ГАСО. Ф. 43. Оп. 4. Д. 8. Л. 6.

⁴⁴ ПСЗ-II. Т. I. № 545. С. 898–899.

⁴⁵ Там же. Т. IV. № 3033. С. 531.

⁴⁶ Беркович А.В. «Черный» рынок золота на Урале в первой половине XIX в. // Историческая наука на рубеже веков: Статьи и мат-лы науч. конф., посвященной 60-летию историч. факультета УрГУ. Екатеринбург, 2000. С. 351–356.

⁴⁷ Очерки истории Свердловска. Свердловск, 1958. С. 47.

⁴⁸ Гончаров Ю.А., Гончарова Н.А. Из истории художественной обработки драгоценных металлов... С. 22.

⁴⁹ Город Екатеринбург. Сборник историко-статистических и справочных сведений по городу. Екатеринбург, 1889. С. 64?65.

⁵⁰ Там же. С. 63, 84.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЕКАТЕРИНБУРГСКИЕ ЮВЕЛИРЫ конца XVIII – первой трети XIX вв.

(материалы к словарю)

1. Александров Федор, екатеринбургский мещанин, с 01.02.1819 г. ученик Воронова В.Н.

2. Алексеев Ульян Михайлович, монетной команды мастеровой, отпущенный по болезни на собственное пропитание, с 10.09.1811 г. цеховой мастер лучшего ремесла, в 1820–1821 гг. старшинский товарищ, с 1829 г. числился в бегах, пойман в 1833 г. и выслан в Сибирь.

3. Алексеев Яков Михайлович, монетной команды мастеровой, 07.11.1811 г. просил о записи в цех, с 28.06.1812 г. мастер среднего ремесла.

4. Алемазов Василий Петрович, пробирной лаборатории ученик, 10.06.1802 г. записан в цеховые (взыскано 6 руб.), с 12.06.1811 г. мастер лучшего галантерейного мелкого ремесла, в 1811–1812 и 1820 гг. горный депутат в цеховой управе (разбирал конфликты с участием мастеров, принадлежавших горному ведомству), ок. 1818 г. получил чин унтер-шихтмейстера I кл., по договору от 02.12.1820 г. оставил мастерскую на попечение Воронова В.Н. и в январе 1821 г. вместе с несколькими учениками «отбыл для производства ремесла в губернский город Пермь». В кон. 1820-х гг. – коллежский регистратор в Перми, продолжал заниматься ювелирным делом.

5. *Алемазов Евдоким Петрович*, екатеринбургский мещанин, в мае 1811 г. Алемазов В.П. рекомендовал его в цеховые мастера, с 15.05.1811 г. мастер лучшего ремесла, в 1812–1813 и 1820–1821 гг. старшина цеха, с 1829 по 1839 гг. числился в бегах, проживая на Вятке.

6. *Алферов Евдоким*, цеховой ученик (?), 10.10.1796 г. оштрафован на 50 коп. «за ослушание» мастера.

7. *Аникин Леонтий Сергеевич*, мастеровой, с 10.09.1811 г. цеховой мастер последнего ремесла.

8. *Астраханцев Иван Григорьевич*, мастеровой, упоминается в 1796 г. в списке жертвователей «на разные управные потребности», записан в цеховые 15.10.1806 г. (взыскано 6 руб.), с 16.11.1811 г. мастер последнего ремесла, в 1819–1820 гг. старшинский товарищ, в 1826 г. цеховой старшина.

9. *Байдаков Илья*, екатеринбургский мещанин, с 21.03.1813 по 21.03.1814 г. ученик Войтюхова Д.В., к 1820 г. «ремесла не производил».

10. *Байдаков Савватий*, екатеринбургский мещанин, с 01.03.1813 по 1814 г. ученик Ломтева П.Д., умер 11.10.1814 г.

11. *Бронников Василий Прокопьевич*, екатеринбургский мещанин, 1803 г.р., с 01.02.1815 по 01.02.1820 г. ученик Кузнецова П.К., с 10.02.1820 г. подмастерье Елизарьева К.

12. *Бугров Клементий Павлович*, екатеринбургский мещанин, 1801 г.р., с 19.10.1815 по 1821 г. ученик Алексеева У.П., за побег от мастера, пьянство и неповиновение наказывался розгами в 1819 и 1821 гг.

13. *Бурылев Андрей*, кунгурский мещанин, с января 1816 г. ученик Персиянинова И.Н.

14. *Велижанин Егор Евдокимович*, мещанин, ок. 1785 г.р., с 1802 г. цеховой подмастерье, умер до 1822 г.

15. *Верещагин Алексей*, екатеринбургский мещанин, с 10.02.1819 г. цеховой мастер лучшего ремесла, в 1821–1822 гг. старшинский товарищ, в 1829–1833 гг. проживал по просроченному билету в Казани.

16. *Вершинин Сергей Иванович*, мещанин, с 28.06.1812 г. цеховой мастер среднего искусства.

17. *Войтюхов (Войтяхов) Даниил Васильевич*, неременный работник, уволенный по болезни от заводских работ, позже – екатеринбургский мещанин, упоминается в 1796 г. в списке жертвователей «на разные управные потребности», записан в цеховые 15.10.1806 г. (взыскано 3 руб.), с 12.07.1811 г. мастер последнего ремесла, с февраля 1812 г. именуется мастером среднего ремесла, в 1813–1815 и 1819–1820 гг. цеховой старшина, умер в 1820 г.

18. *Войтюхов (Войтяхов) Петр Андреевич*, невьянский житель,

в 1813 г. работал в городе «по золотому и серебряному ремеслу», в 1814 г. отказался получать новое цеховое дозволение т.к. «ремесло производить не хочет, а хочет заниматься торговлей».

19. *Воронин Никифор Егорович*, дворовой титулярного советника Порецкого, в 1821 г. принят в цеховые ученики, позже – мастер, в 1830-е гг. выслан в Сибирь.

20. *Воронин Федор*, дворовой титулярного советника Порецкого, с 18.02.1819 г. подмастерье (из учеников) Алемазова В.П., умер до 1822 г.

21. *Воронов Алексей Никифорович*, екатеринбургский мещанин, с 15.05.1811 г. цеховой мастер лучшего ремесла (произведен из подмастерьев), в 1812–1813 гг. старшинский товарищ, в 1815–1819 гг. цеховой старшина.

22. *Воронов Василий Никифорович*, екатеринбургский мещанин, ок. 1794 г.р., с 10.09.1811 г. подмастерье Алемазова В.П., с 22.01.1819 г. цеховой мастер лучшего ремесла, 02.12.1820 г. заключил договор на 1 год с Алемазовым В.П. «работать на его Алемазова инструменте и содержании... и иметь хозяйственное право над подмастерьями и учениками его Алемазова».

23. *Воронов Никита Никифорович*, шадринский мещанин, с 26.02.1819 г. цеховой мастер последнего ремесла.

24. *Гагарин Иван Степанович*, монетного двора мастеровой, 18.11.1811 г. просил о записи в цех, с 28.06.1812 г. цеховой мастер среднего искусства.

25. *Горюнов Иван Григорьевич*, непряменного работника сын, 1806 г.р., с 01.02.1819 г. ученик Воронова В.Н., с 02.03.1821 г. ученик Ордина Н.Е.

26. *Григорьев Марк*, мастер золотых и серебряных дел из Каменец-Подольской губ., в 1812 и 1813 гг. с него взыскано в пользу управы по 5 руб. «за производство и продажу галантерейных мелочных вещей».

27. *Григорьев Петр*, тобольский мещанин, часовых дел мастер, 26.09.1813 г. уплатил в управу 5 руб. за получение дозволения на работу в городе.

28. *Данилов Павел Петрович*, с 1820 по 1824 г. ученик Верещагина А.

29. *Душаков Яков*, мещанин, с 1819 г. ученик Верещагина А.

30. *Елизарьев Андрей*, записан в цеховые 21.09.1798 г. (взыскано 5 руб.).

31. *Елизарьев Ксенофонт*, екатеринбургский мещанин, в 1815–1818 гг. ученик, подмастерье, с 22.01.1819 г. цеховой мастер среднего искусства, после указа 1829 г. добровольно сдал украшения с золотом.

32. *Елизарьев Павел Михайлович*, екатеринбургский мещанин, с 01.02.1820 г. ученик Елизарьева К.

33. *Елизарьев Федот Артемьевич*, екатеринбургский мещанин, записан в цеховые 10.03.1796 г. (взыскано 5 руб.), с 11.09.1811 г. мастер последнего ремесла, умер 15.04.1814 г.

34. *Жигалов Дмитрий Данилович*, приказного служителя сын, с 01.09.1821 г. ученик Кайгородова Ф.М.

35. *Жуков Андрей*, с 27.04.1811 по 28.04.1814 г. ученик Алемазова Е.П.

36. *Жуков Николай*, екатеринбургский мещанин, с 01.02.1819 г. ученик Ордина Н.Е., в 1820 г. «за неповиновение мастеру и ночевание вне дома» оштрафован на 10 руб., позже – мастер, в 1830-е гг. выслан в Сибирь.

37. *Зайков Зиновий Игнатьевич*, непрременный работник, с 10.09.1811 г. цеховой мастер последнего ремесла, ок. 1820 г. исключен из списка управы.

38. *Зайков Кондратий*, непрременный работник, в 1813 г. задержан в Березовском заводе за производство серег и золочение медных изделий. По справке управы оказалось, что в цех не записан и дозволения не имеет.

39. *Зырянов Иван Козмич*, монетной команды мастеровой, с 10.09.1811 г. цеховой мастер среднего ремесла, 29.01.1812 г. «за распри и ссоры, будучи в нетрезвом виде в общественном собрании» оштрафован на 12 руб. 50 коп.

40. *Иванов Иван*, цеховой с 18.09.1800 г. (взыскано 2 руб.).

41. *Измоленов Яков*, Белоярской вол. крестьянский сын, в 1811 г. упоминается как ученик Романова К.И.

42. *Казанцев Исаак*, упоминается в 1796 г. в списке жертвователей «на разные управные потребности».

43. *Кайгородов Федор Михайлович*, мещанин из подмастерьев, ок. 1790 г.р., с 10.09.1811 г. цеховой подмастерье, с 22.09.1814 г. мастер среднего искусства, в 1815–1816 гг. старшинский товарищ.

44. *Калетов Егор Степанович*, непрременного работника сын, с 1821 г. ученик Щепырева И.С.

45. *Ковелин Сергей*, екатеринбургский мещанин, с 01.01.1816 по 1820 г. ученик мастера Алемазова Е.П., с 23.09.1820 г. цеховой подмастерье, в 1821 г. оштрафован на 10 руб. за некачественное золочение серебряной цепочки.

46. *Козельских Иоасаф Александрович*, екатеринбургский мещанин, в 1815–1817 гг. ученик (Алемазова В.П.?).

47. *Коновалов Семен Ларионович*, неперменный работник, с 28.06.1812 г. цеховой подмастерье.

48. *Коробков Михаил Петрович*, екатеринбургский мещанин, ок. 1800 г.р., с 23.02.1815 по 1817 г. ученик Кайгородова Ф.М., в 1818–1819 гг. ученик Алемазова Е.П., с 28.02.1820 по 28.02.1821 г. подмастерье Алемазова Е.П., позже – мастер, в 1830-е гг. выслан в Сибирь.

49. *Косов Федот*, екатеринбургский мещанин, с 1820 (?) г. ученик Алемазова Е.П.

50. *Кочергин Николай*, в 1797 г. оштрафован на 50 коп. «за неявку в управу по повестке».

51. *Крылатков Емельян Иванович*, неперменный работник Екатеринбургского завода уволенный по болезни, цеховой ученик (?), 18.09.1800 г. оштрафован на 2 руб. «за прогулку рабочих часов», 10.06.1803 г. взыскано при записи в управу 6 руб., 23.03.1811 г. «за смесь металлов» в изделии оштрафован на 5 руб., с 10.09.1811 г. мастер среднего искусства, в 1813 г. привлекался к ответственности «за смесь в перстне металла с металлом», но был оправдан, к 1820 г. «ремесла не производил».

52. *Кузнецов Прокопий Карпович*, золотопромывальной фабрики мастеровой, с 10.09.1811 г. цеховой мастер среднего искусства.

53. *Куфер Семен*, золотых дел мастер Могилевской губ. г. Блогова, в 1812 г. с него взыскано в пользу управы 5 руб. «за продажу и производство галантерейных мелочных вещей».

54. *Ломтев Прокопий Демидович*, мещанин, уже в 1781 г. числился ювелиром, с 1795 г. мастер последнего ремесла, в 1795–1812 гг. цеховой старшина, в нач. 1820-х гг. «за старостью ремесла не производил».

55. *Лопаницын Лазарь Козмич*, неперменный работник, цеховой с 10.03.1796 г. (взыскано при записи в управу 4 руб.), с 28.06.1812 г. мастер среднего искусства, умер до 1822 г.

56. *Мараев Иван Корнильевич*, мещанин, ок. 1793 г.р., с 10.09.1811 г. цеховой подмастерье, в 1812 г. «за явку в нетрезвом положении» оштрафован на 15 руб., в том же году сдан в рекруты.

57. *Меньших Василий Тимофеевич*, мещанин, с 16.11.1811 цеховой мастер среднего искусства, в 1811 г. привлекался к ответу «за именованье в Ирбитской ярмонке себя пробирным мастером», неоднократно штрафован за невыполнение сроков исполнения заказов, умер в 1818 г.

58. *Моллин Иван Иванович*, екатеринбургский мещанин, ученик, а с 18.02.1819 г. подмастерье Алемазова В.П., умер в 1819 г.

59. *Моллин Иван Карпович*, екатеринбургский мещанин, ок. 1770 г.р., с 1800 г. цеховой подмастерье, 09.01.1815 г. «произведен в каменное

и шугагурное ремесло, а золотом не занимается», умер до 1822 г.

60. *Молчанов Федор Маркович*, государственный крестьянин, с 10.09.1811 г. цеховой подмастерье, умер 17.12.1812 г.

61. *Мыльников Иван Иванович*, екатеринбургский мещанин, с 01.03.1819 по 1820 г. ученик Алемазова Е.П., с 04.11.1821 г. подмастерье Алемазова В.П., в июне 1826 г. подал прошение о зачислении в мастера.

62. *Николаев Никон Николаевич*, мещанин, с 10.04.1795 г. цеховой мастер последнего ремесла, в феврале 1812 г. упоминается среди мастеров среднего ремесла, в 1813–1815 гг. старшинский товарищ, умер в 1816 г.

63. *Нифонтов Степан Иванович*, гранильной фабрики отставной мастеровой, 06.02.1819 г. представил для освидетельствования вещи и просил о записи в цех, но на экзамен не явился и разрешения не дано.

64. *Ордин Никита Егорович*, екатеринбургский мещанин, ок. 1796 г.р., с 01.02.1811 по 21.09.1812 г. подмастерье Воронова А.Н., с 22.01.1819 г. мастер лучшего искусства, в 1821–1822 гг. цеховой старшина.

65. *Пархаменков Корнилий Сергеевич*, мещанин, поступал в цех в ноябре 1811 г., но не выполнил «урок», с 28.06.1812 г. цеховой подмастерье, умер 25.01.1815.

66. *Пермяков Акинфий Патрикеевич*, мещанин, ок. 1789 г.р., с 10.09.1811 г. цеховой подмастерье, в 1812 г. сдан в рекруты.

67. *Персиянинов Василий Никитич*, екатеринбургский мещанин, 1800 г.р., с 08.03.1821 г. подмастерье Персиянинова И.Н.

68. *Персиянинов Иван Никитич*, екатеринбургский мещанин, ок. 1789 г.р., с 21.04.1811 г. цеховой подмастерье, с 19.10.1814 г. мастер лучшего искусства, в 1830-е гг. выслан в Сибирь.

69. *Погорельцев Осип*, мещанин, с 29.12.1813 ученик Крылаткова Е.И., с 22.01.1819 г. мастер среднего искусства.

70. *Попов Иван Игнатъевич*, мастеровой, с 10.05.1811 г. цеховой мастер последнего ремесла, к 1820 г. «ремесла не производил».

71. *Порошин Петр*, с февраля 1820 г. ученик Елизарова К.

72. *Ратманов Алексей*, цеховой с 1795 г. (ученик?), 13.12.1795 г. оштрафован на 1 руб. «за прогулку рабочих часов».

73. *Ратманов Иван Кондратьевич*, мещанин, ок. 1781 г.р., упоминается среди цеховых (ученик?), когда был оштрафован на 5 руб. 60 коп. «за поврежденный перстень и прогулку рабочих часов», с 1801 г. подмастерье, 29.03.1812 г. «за плавство вместо золота серебра с медью» оштрафован на 25 руб.

74. *Ратманов Кондратий*, в 1796 г. мастер, упоминается в списке жертвователей «на разные управные потребности».

75. *Романов Иван Ионович*, купеческий брат, 15.05.1811 г. переведен из подмастерьев в мастера среднего дела, в феврале 1812 г. упоминается среди цеховых мастеров лучшего ремесла, в 1813–1815 гг. старшинский товарищ, 01.10.1821 «по старости лет и от слабого здоровья из числа цеховых исключен».

76. *Романов Клементий Ионович*, купеческий брат, позже купец 2 гильдии, с 1795 г. цеховой мастер лучшего ремесла, в 1795–1812 гг. старшинский товарищ, фактически вел дела цеха, но из-за должностных упущений был смещен и оштрафован, в 1812 г. неоднократно штрафован за ругань с мастерами, пьянство и «шумство», был жив в 1826 г.

77. *Рябов Дмитрий*, в 1796 г. цеховой мастер, упоминается в списке жертвователей «на разные управные потребности», умер до 1811 г., похоронен на деньги управы.

78. *Салакин Никита Федорович*, житель Владимирской губ. Вязниковского у. с. Терехова, 1810 г.р., с 24.08.1820 г. ученик Алемазова Е.П., не окончив обучения, «по приказу господина отбыл в свое жительство».

79. *Салакин Ефим*, житель Владимирской губ. Вязниковского у. с. Терехова, 1806 г.р., с 24.08.1820 г. ученик Алемазова Е.П., не окончив обучения, «по приказу господина отбыл в свое жительство».

80. *Свешников Михаил Матвеевич*, монетной команды мастеровой, с 10.09.1811 г. цеховой мастер среднего искусства.

81. *Серебренников Логгин Федулович*, отставной унтер-офицер Екатеринбургского мушкетерского полка, с 10.09.1811 г. цеховой мастер серебряных дел лучшего ремесла.

82. *Ссорин Кирилл Кондратьевич*, мещанин, с 16.11.1811 г. цеховой мастер последнего ремесла, в 1812–1813 гг. старшинский товарищ, в 1819 г. объявил, что «уже 4 года ремесла не производит», проживал в Шарташском селении.

83. *Суворов Петр Семенович*, мещанин, ок. 1789 г.р., с 10.09.1811 по 21.09.1812 г. подмастерье Николаева Н.Н., в 1819 г. производил ремесло с управного дозволения.

84. *Тенигин Савва*, Белярской вол. крестьянский сын, в 1811 г. упоминается как ученик Романова К.И.

85. *Томилов Михаил Максимович (Сидорович?)*, вятский мещанин, с 1815 г. производил ювелирное ремесло в Екатеринбурге с управного дозволения, упоминается до конца 1820-х гг.

86. *Федоров Иоасаф Тимофеевич*, Шарташской вол. крестьянский сын, с 27.04.1814 г. ученик Войтюхова П.А.

87. *Федоров Тимофей Тимофеевич*, мастеровой, с 10.09.1811 г. цеховой мастер последнего ремесла.

88. *Халымов Владимир*, екатеринбургский мешанин, с 1819 г. ученик Алемазова В.П., в январе 1821 г. отбыл вместе с мастером в Пермь «для производства ремесла».

89. *Хвастовский Абрам Самуилович*, мешанин Киевской губ. г. Звенигородска, с 20.04.1813 г. переведен из подмастерьев Алемазова В.П. в мастера с разрешением производить ремесло в Екатеринбурге до 12.06.1813 г.

90. *Чалоусов (Чалов) Семен Петрович*, гос. крестьянин Бруснянской вол., с 12.06.1812 г. подмастерье Серебренникова Л.Ф., умер до 1822 г.

91. *Черепанов Викул Федорович*, мешанин, ок. 1793 г.р., с 10.09.1811 по 20.12.1812 г. ученик Алексеева У.П., в 1812 г. отдан в рекруты.

92. *Шагин (Шагов) Александр*, мешанин, с 13.09.1816 по 13.09.1821 г. ученик Алемазова Е.П.

93. *Швецов Зотей Романович*, золотопромывальной фабрики мастеровой, с 10.09.1811 г. цеховой мастер среднего искусства.

94. *Шелудяков Григорий Яковлевич*, ирбитский мешанин, с 1819 г. ученик, а с 30.12.1820 г. подмастерье Алемазова В.П., в октябре 1821 г. отбыл в Ирбит.

95. *Шелыгин Андрей Егорович*, екатеринбургский мешанин, с 16.05.1820 г. цеховой мастер среднего искусства.

96. *Шепелев Никита Федорович*, екатеринбургский мешанин, 1809 г.р., с 01.03.1819 г. ученик Ордина Н.Е.

97. *Шеподев Иван*, екатеринбургский мешанин, с 1819 г. подмастерье Ордина Н.Е.

98. *Шилов Петр Михайлович*, неперменный работник, с 10.09.1811 г. подмастерье Алемазова Е.П., в 1812 г. сдан в рекруты.

99. *Ширманов Василий Абросимович*, с. Избыльца Горбатовского у. Нижегородской губ. крепостной крестьянин Турчаниновых, часовой мастер, в 1816-1818 гг. платил в управу ежегодный взнос в 10 руб. за дозволение производить часовое ремесло в городе.

100. *Шмелев Семен Тихонович*, мешанин, с 1795 г. цеховой мастер последнего ремесла, в феврале 1812 г. упоминается среди мастеров среднего ремесла, умер в июне 1812 г.

101. *Шлеймович Марк*, мастер золотых и серебряных дел из Каменец-Подольской губ., в 1814 г. с него взыскано 5 руб. в пользу управы «за продажу галантерейных вещей».

102. *Щепырев (Шопырев) Иван Семенович*, екатеринбургский мешанин, с 11.10.1819 г. цеховой мастер среднего искусства.

103. *Якимов Денис Петрович*, верхотурский мещанин, с 1819 г. ученик Алемазова В.П., в январе 1821 г. отбыл вместе с мастером в Пермь.

104. *Ялуфимов Козма Васильевич*, неперменный работник, 20.10.1811 г. просил зачислить в цех, но не прошел экзамен.

Г.В. ДЛУЖНЕВСКАЯ

**СОБРАНИЕ ФОТОДОКУМЕНТОВ ВЕЛИКИХ
КНЯЗЕЙ КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА
И КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА**

Настоящая работа является продолжением публикации материалов фотоархива Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург) в уральских изданиях. Первым и пока единственным увидевшим свет иллюстрированным каталогом фотоархива ИИМК РАН является «Прошлое Урала в фотографиях» (Екатеринбург, 1993). С фондом графов Шуваловых можно познакомиться по статье «Фонд графов Шуваловых в фотоархиве Института истории материальной культуры Российской Академии наук»¹. Обширный перечень «Господин Великий Новгород. Материалы фотоархива Института истории материальной культуры Российской Академии наук» опубликован в сборнике научных трудов «Проблемы истории России. Выпуск третий. Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие» в 2000 г.

В фотоархиве Института истории материальной культуры РАН, являющегося наследником Императорской археологической комиссии и многих других до- и послереволюционных археологических учреждений, к началу XXI века отложилось более одного миллиона двухсот тысяч единиц хранения (негативов, позитивов, кинофильмов). Самые ранние фотографии датируются 1840-ми гг., поздние – 2001 г. В архиве хранятся документы по многим областям знаний, в том числе несколько уникальных собраний, происходящих из библиотек Зимнего и Мраморного дворцов, то есть фотографии из Собственной библиотеки императора Николая II и из собрания двух выдающихся политических и общественных деятелей России, великих князей генерал-адмирала Константина Николаевича и августейшего президента Академии наук Константина Константиновича. О последнем собрании, более семидесяти лет хранившемся в Мраморном дворце, и пойдет речь.